

МАТ КОРОЛЮ

1

Уж столько лет прошло с той осени, когда случилась эта история, а я не могу забыть Альбатроса. Так его тогда называли. Доставил он нам забот и хлопот! Было ему под сорок. И среди уголовников пользовался он особым авторитетом. Как же, чуть ли не самый ловкий «домушник», то есть - своего рода «специалист» по квартирным кражам. Да и у нас в уголовном розыске его хорошо знали. Ведь как только он появлялся в городе после отбытия очередного срока наказания, нам сразу прибавлялось работы: заявления о кражах следовали одно за другим.

И при всём этом было в его личности и похождениях что-то от необъяснимого отчаяния. Словно какая-то злая сила постоянно подхлестывала его. Шатров, начальник уголовного розыска райотдела, не раз обращал на это наше внимание, просил приглядеться к Альбатросу и попытаться нащупать, что же так воздействует на него. Да только сделать этого пока не удавалось.

А между тем Альбатрос вновь появился в городе. Мы вызвали его в райотдел, поговорили с ним о жите-бытье, о его планах на будущее... Вроде бы всё он понимал, но перебороть себя не смог, старое опять взяло верх.

... А произошло это в начале сентября. События развивались так, как впоследствии их описал сам Альбатрос.

Стоял тихий безлунный вечер. Как раз на руку Альбатросу. Укрывшись за стволом старого вяза, он терпеливо ждал, когда в глубине двора, в небольшом трехэтажном доме погаснет последнее окно.

Через четверть часа он легко и бесшумно поднялся по водосточной трубе под самую крышу. Собственно, в нужную квартиру на третьем этаже он мог бы попасть и более простым способом, с помощью отмычки. Но

корешок, что навёл его на эту квартиру, предупредил о собаке у соседей, поднимающей лай при малейшем шорохе за дверью. Уж лучше не рисковать, подумал Альбатрос.

Он плотно прижался спиной к стене, сделал два маленьких шага по узкому карнизу, и - заветная открытая форточка рядом. Чуткие пальцы осторожно нащупали защёлку оконной створки. Шаг в раскрытое окно - под ногами еле слышно скрипнули половицы.

Альбатрос включил карманный фонарик, повёл узким лучом по сторонам: кухня, что здесь возьмёшь?

Он открыл дверь в соседнюю комнату и... замер. На просторной деревянной кровати, натянув на оголенные плечи простыню, испуганно жалась к стене молодая длинноволосая женщина.

«Мужа у неё нет, а сама хозяйка уезжает по выходным в деревню к родственникам», - вспомнил Альбатрос заверения кореша и мысленно выругался.

Нет, его ничуть не обеспокоила создавшаяся ситуация: по водосточной трубе он спускается ещё быстрее... Но эти синие глаза, расширенные от ужаса!.. Разве он камень, чтобы выдержать такое?

Сердце вдруг резанула острая боль. Альбатрос ухватился за косяк двери, но всё перед ним закружилось, и он тяжело осел на ковёр.

Очнулся он от чего-то сырого и холодного на груди и сладковатого во рту. Рядом, опустившись на колени хлопотала над ним эта синеглазая женщина. У кровати тускло отсвечивал причудливой формы ночничок.

Альбатрос выплюнул таблетку и подтянул ноги, пытаясь встать. Женщина опять испуганно сжалась.

- Не бойся, - с трудом выговорил он, едва ворочая распухшим языком. - Я сейчас уйду.

Женщина как-то неопределённо кивнула и покосилась на телефон, стоящий на тумбочке у двери. Альбатрос перехватил её взгляд.

- Уже вызвала?

Женщина снова кивнула, боязливо посматривая на его размалёванные татуировками грудь и руки.

- Понятно... Всё правильно.

Альбатрос пружинисто выпрямился и метнулся назад, к раскрытому окну.

Уже на земле он услышал шум мотора: к подъезду задремавшего дома стремительно выруливала машина «Скорой помощи». В окнах лестничного пролёта замелькали белые халаты. Он проследил за ними из-за вяза - исчезли они на третьем этаже.

«Осёл! Идиот!» - разозлился на себя Альбатрос и, уже не прячась, ринулся в ночную, безмолвную мглу.

2

В тот вечер Альбатрос ощутил не только колющую боль в сердце, но и почувствовал, что в душе его что-то сломалось. Вернувшись домой, он никак не мог уснуть. Ворочаясь на узкой кровати в душной комнате, он до мельчайших подробностей вспомнил всё, что пережил с малых лет. «Похоронку» на отца, погибшего в сорок третьем в боях под Курском. Печальные глаза матери, устало валившейся на койку, как только возвращалась после долгой смены с завода. Опухшие от голода руки его вдовой тётки, украдкой сующей ему горстки сухих хлебных крошек, собранных неизвестно где...

Вот тогда-то впервые он вышел на «промысел». Захотелось хоть чем-то, хоть как-то облегчить страдания этих дорогих ему людей. В ту пору в ходу у мальчишек было много военных песен. Две-три знал и он. И голос был звонкий. Вот и пел - то для проходящей маршевой роты, то для раненых, пробравшись во двор госпиталя, то для работниц местной пекарни... А домой возвращался уже с раздувшейся на груди рубашкой, бережно прижимая к

впалому животу кусочки варёной свеклы, ломтики хлеба, кульки с крутой пшёнкой кашей.

Мать сначала беспокоилась - откуда, мол, такое богатство, потом узнала, стала растроганно называть кормильцем. Так и дожили до счастливого дня Победы.

И всё бы, может, закончилось хорошо, если бы однажды, где-то году в сорок шестом, не потерял бы он продуктовые карточки, с которыми мать послала его в магазин.

Изрванный от обиды на своё ротозейство, измученный долгими неутешительными поисками злополучных карточек, забрёл он к вечеру в городской парк, где всюду гремел оркестр, и решил вновь попытать свой звонкий голос, чтобы с его помощью хоть что-то заполучить в качестве компенсации за тяжкую утрату. В дальнем углу парка он заметил на траве чью-то крупную фигуру.

- Дядя, хошь спою? - предложил он, заикаясь от волнения.

Человек приподнялся на локте и с интересом уставился на него, обнажив в лёгкой усмешке два золотых зуба.

- А что ты можешь?

- «Катюшу», например.

- Ну, валяй. Послушаю.

И он запел. Да так, как, наверное, ещё ни разу не пел. Ему казалось, что голос его звенит над всем парком, перекрывая гром оркестра. Он очень старался, очень!..

К его удивлению, незнакомец слушал вяло, а потом и вовсе грубо оборвал его:

- Хватит. Чего хочешь-то?

Он растерянно пожал плечами.

- Ладно, беги за мороженым.

Незнакомец, ещё молодой, чуть раскосый мужчина со смуглым рябоватым лицом, протянул ему деньги. Он робко спросил:

- Вам какое - большое или маленькое?

- Да не мне, дурень! Бери, какое хочешь.

Он зажал в кулак деньги и радостно бросился к буфету, ведь ему ещё ни разу не доводилось есть мороженое, знал о нём лишь понаслышке.

Мороженое купил большое и побежал обратно, счастливо облизывая зажатый между хрусткими вафлями белый сладкий кружок.

Незнакомец, которого он сразу окрестил золотозубым, всё ещё валялся на траве.

- Ну, купил? - спросил тот лениво.

- Купил. Спасибо, дяденька! Вы как добрый король из сказки.

Золотозубый оглянулся, помолчал немного, потом с усмешкой бросил:

- А я и есть Король... Тебя-то как пацаны кличут?

- Гришкой!

Король оценивающе оглядел его.

- Ишь, длиннорукий какой!... Небось по деревьям, как белка, скачешь?

- Это я умею!..

- А если попрошу кое-куда слазить?

- Пожалуйста, дяденька!

- Ну-ну, седой...

- Я не седой, я русский.

- Вот-вот, настоящий Альбатрос!

- Это кто такой?

- Птица это, парень, птица! Большая, длиннокрылая...

Король снова оглядел его.

- Чего зарёванный такой?

- Карточки потерял,.. Продуктовые...

- Ну, это беда - не беда!.. У тебя какие были?

Он грустно перечислил.

- Смотри, как тебе повезло! - рассмеялся Король. - Ты потерял, а я нашёл!

Он сунул руку в нагрудный карман кожанки и жестом фокусника вытащил длинные ленты продовольственных карточек.

- Бери! И знай наших!

Карточки действительно оказались его. Он узнал бы их из тысячи. К тому же на месте были чернильные метки, оставленные осторожной матерью.

Это было какое-то чудо!

Теперь-то он знает, что чудес не бывает на свете. Скорее всего, Король не нашёл, выкрал у него эти драгоценные карточки. Сейчас понимает, почему тот вернул их ему. Но тогда!.. В тот вечер он во все глаза благодарно глядел на Короля, верил каждому его слову и готов был следовать за ним хоть на край света.

И попёрся. На свою беду, на своё несчастье. Стал, как Король, вором. И мать раньше времени превратил в старуху. И у самого - ни здоровья уже, ни радости... Кому он нужен такой? Кто приветит? А теперь ещё и эта женщина с синими глазами... С каким страхом она глядела на него, наверное, что только не передумала.

От тяжёлых воспоминаний у него неожиданно разболелась голова. Альбатрос стиснул зубы, не столько от головной боли, сколько от горечи собственных ошибок. Он повернулся лицом к стене и плотно сомкнул глаза, стараясь поскорее заснуть, чтобы забыться от неприятных мыслей.

3

Проснулся он поздно. Поднял голову с подушки, прислушался. За стеной мать сердито стучала посудой. Он встал, помахал руками, чтобы размяться, медленно оделся и вышел на кухню.

- Поесть бы чего-нибудь, ма!.. - попросил он, чмокнув её в жидкий седой пробор на голове.

Она угрюмо отмахнулась, в глазах стояли слёзы.

- Отстань, целовальник!.. Вторая неделя пошла, как вернулся. Думала хоть теперь остепенишься, работу найдёшь... Ну что молчишь-то, что?

- Не так-то это легко - найти работу, - задумчива возразил Альбатрос, вспомнив, как уговаривали его об этом же в райотделе, куда он явился за пропиской.

- А ты просился где? - не отступала мать. - Жить-то на что будем?

- Да есть у меня немного...

- Мне от тебя ворованных денег не надо! - жёстко отрезала мать. - Опять за своё взялся? Опять за старое? Эх, горе ты моё, горе! - Голос её надрывно затрепетал горьким упрёком. - Ни копейки чужих не возьму, так и знай. Зачем мне чужие-то? Ведь кто-то слезами за них умывается. Неужели ты этого не понимаешь? Неужели так очерствело твоё сердце?

Альбатрос побледнел. Сердце-то его как раз щемило всё чаще и чаще, словно кто ножом по нему водил. Потому и щемило, что день ото дня всё теперь близко к себе принимало. Вот и сейчас перед глазами опять возникла та одинокая испуганная женщина.

Мать на полуслове осеклась, увидев, как переменился он в лице и, схватившись за грудь, осел на табуретку.

- Тебе что - нехорошо, да? - метнулась она к нему, бросив в раковину недомытую посуду.

Он с трудом улыбнулся, приложился губами к сырой ладошке матери.

- Ничего... Не беспокойся. Сейчас всё будет нормально.

Мать растерянно прижала его голову к своей груди. Минуту оба были неподвижны и молчаливы. Потом он облегчённо вздохнул, вскинул на мать смущённые глаза и тихо сказал:

- Ну вот - прошло уже.

- И часто у тебя так?

- Не очень... Поесть бы, ма...

- Я сейчас, сейчас! - заторопилась она.

Альбатрос с удовольствием ел жареную картошку и время от времени бросал на мать успокаивающие взгляды.

- Где ночью-то был? - поинтересовалась она.

Альбатрос недоумённо взглянул на неё. И вдруг опять ясно вспомнился чужой широкий двор, старый вяз, водосточная труба и маленькая женщина с испуганными синими глазами.

- Где был? - переспросил он глухо, отгоняя неприятные воспоминания. - Всё, ма... Отгулял! Теперь по ночам буду только дома.

- Ой ли?

- Точно, ма... Точно! Мне и самому такая жизнь осточертела. По-людски всё хочется. Ты уж поверь.

- Дай-то бог, - вздохнула мать.

Он поднялся.

- Ну, я пройду кое-куда... Да ты не тревожься, - поспешил успокоить он, увидев, как снова сникла мать. - Насчет работы попытаю.

И уже в дверях с улыбкой добавил: - А картошка хороша! Век бы ел - не наелся бы! С лучком да с корочками, как раньше... Спасибо, ма!...

- Да чего там, - довольно улыбнулась она. - Картошка как картошка. Вот бы ты меня порадовал, работу нашёл бы.

- Найду, ма... Ей-ей, найду!

Он был уверен, что так оно и будет. Но домой возвращался злой-презлой: куда бы ни заходил насчёт работы - всюду отказ. Не сразу, конечно. Кадровики сначала оживлялись, но как только узнавали, кто он и откуда, сразу скисали, что-то невразумительно мямлили и, в конце концов, возвращали документы со скучным пожеланием зайти к ним «через месяц-другой».

По пути домой Альбатрос завернул к пивному бару. В горле всё пересохло от злости, внутри кипело...

В зале, стилизованном под старину, царил полумрак, густой табачный дым, шумный говор и кисловатый запах пива. Он подошёл к стойке, заказал пару кружек, два бутерброда с сыром и поискал глазами, куда бы присесть. Сзади кто-то несильно хлопнул его по плечу, он обернулся и тотчас встретил взгляд томных черных глаз.

- Красавчик?

- Собственной персоной! - широко улыбался ему кореш, приодетый, как всегда, с иголки. - Давай к нам, - кивнул он в угол.

Альбатрос разглядел за большим дубовым столом двух незнакомых ему парией.

- Знаешь, хотелось бы посидеть одному.

- Да ты что? - усмехнулся Красавчик. - С каких это пор мы отказываемся от приятной компании? Нет, так не пойдёт. Милости просим!

Альбатрос снова попытался возразить, но Красавчик, подхватив его кружки, уже семенил в угол, покачивая узкими бёдрами. Он угрюмо подался следом, молча опустился на длинную скамейку, лицом к залу, напротив этой троицы.

- Коля Фитиль! - представил ему Красавчик долговязого пария. Тот развязно осклабился.

- Стасик Киевский, - прошепелявил второй уродливыми губами.

- А это, братцы, Альбатрос! - картинно улыбнулся Красавчик. - Можно сказать, правая рука самого Короля. Прошу любить и жаловать!

- Ну, до любовных объяснений нам рановато, - ещё больше помрачнел Альбатрос. - И жаловать меня не за что.

- Не скромничай, не скромничай! - погрозил пальцем Красавчик. - Много вчера взял?

Альбатрос покосился на шепелявого и Фитиля. Те во всю таращили на него глаза, жадно ждали ответа.

- Ну вот что, - всё больше распаясь, обратился он к Красавчику. - Пусть эти симпатичные урки пока смоются куда-нибудь.

- Хорошо! - покорно согласился Красавчик. Он подмигнул им, и те, забрав свои кружки, разочарованно поплелись к другому столу.

- Говоришь, много взял? - процедил сквозь зубы Альбатрос. - С этой квартиры я вчера еле ноги унёс. «Мужа у неё нет, а сама хозяйка в деревне!» - передразнил он Красавчика. - Дома оказалась хозяйка, дома!

- Ну-ну, не кипятись, другой адресок найдём, - примирительно бросил Красавчик.

- Всё, хватит! Никакого другого адреска для меня больше не будет.

- Что так? - оторопел Красавчик.

- Хочу хоть напоследок пожить по-человечески.

- Это ты мало пожил?

- Да уж, не велика жизнь, особенно наша, если выбросить из неё лет двадцать, отданных тюрягам.

- А ты не лез бы туда!

Альбатрос криво усмехнулся.

- Что-то я не знаю такого чудо-героя, который воровал и не попадался.

- Постой, постой!.. - Красавчик недоумённо поджал пухлые тубы. - Я тебя не понимаю... Ведь где бы ты не сидел - везде наши знали тебя верным корешом Короля!

- А что толку?

- Это почему же?

- Потерял я, Красавчик, лучшие годы жизни и ничего не получил, хотя временами был очень «богат».

- Ты что же, решил устроиться на работу?

- Да, попробую. Хуже, говорят, не будет.

- Кто говорит?

- Да вот и в милиции говорили.

- А что скажет Король?

- Да ведь где он сейчас?

- Сидит.

- Вот-вот, сидит, - многозначительно протянул Альбатрос. - Но мне туда больше неохота.

- А он о тебе помнит. - Красавчик достал из куртки сложенный листок бумаги, протянул его Альбатросу. Тот нехотя взял листок, прочитал, насмешливо усмехнулся:

- Значит, своим заместителем тебя назначает.

- А что, возражаешь? Таков обычай.

Альбатрос пожал плечами, глотнул пиво из кружки.

- Эх, Красавчик! - вздохнул он устало. - Да пойми ты, пустая голова, сыт я всем этим. Вот как сыт! - провел он рукой по горлу. - И ты не хорони себя живым.

- Брось, гад! - взъярился тот. - Я пока в жалости не нуждаюсь. С чего бы ото?!

- Да ведь и я попался малолеткой, на обычай-то этот. Ты сейчас ещё чистенький. А вот мне тогда Король и положил на спину первые картинки, которых я теперь стесняюсь сам. А потом вечная осторожность, вечное напряжение. И пошла жизнь, как в песнях блатных поётся, «лишь прекрасная снаружи». А что впереди?

- Короче! На дело уже не пойдёшь со мной?

- Нет, Красавчик, нет!

- И ты думаешь, что тебе это даром сойдёт? Да мы тебя, шкура... - лицо его исказила злоба.

Альбатрос допил пиво, вытер платком губы.

- Знаешь, сказал он тихо, - а я ничуть не обижаюсь, что ты склоняешь меня по всем падежам. Наоборот, мне стало интересно узнать, что на свете есть ещё такие умники, которые почти в тридцать лет получают удовольствие вываливать на «свет божий» своё дикое невежество.

Он поднялся и ни на кого не глядя направился к выходу. Красавчик устремился за ним.

5

А в это время мой товарищ по совместной работе в уголовном розыске Сергей Ракитин решал свои проблемы, шахматные.

Высокого спортивного разряда Сергей не имел, а желание померяться силами с искусными противниками было столь огромно, что, не удержавшись от соблазна, он принял участие в чемпионате города. И первый поединок закончился для него неудачно.

Из шахматного клуба расстроенный Ракитин ушёл последним. Вечер стоял тёплый, тихий, какие бывают «бабьим летом». Из садов ветер доносил пряный аромат яблок, в воздухе плавали паутинки. Ярко зажглись первые звезды. Но Сергей, погруженный в свои мысли не замечал ничего этого! Ещё бы - продул партию. Сначала всё шло хорошо: он легко «поймал» белопольного слона противника, выгодно разменял коней, а потом... Потом забыл об осторожности и угодил в самую заурядную ловушку. Выход из этого положения он всё-таки нашёл, но потратил слишком много времени, наступил цейтнот, и он не заметил, как упал флажок на часах. Потерял первое очко. А отнесись он к противнику более серьёзно, результат мог быть иной.

Досадливо смахивая с лица паутинки и продолжая в уме анализировать проигранную партию, Ракитин свернул в переулок, и там его мысли неожиданно прервались. Он услышал глухой звук, как будто что-то тяжёлое ударилось о землю. Тишину ночи прорезал сдавленный крик. Сергей рванулся на помощь и вскоре увидел, что около одного из домов трое парней били ногами лежащего на земле человека.

Он, запыхавшись, крикнул:

- Прекратить!

Троица повернулась к нему.

- Прекратить, говорю, - настойчиво повторил Сергей и только в этот момент вспомнил, что не в форме, без оружия.

А парни уже оставили свою жертву, двинулись к нему. В руке одного из них блеснул нож. На Ракитина опасность всегда действовала мобилизующее. Он распрямил плечи, перехватил руку с ножом и так рванул нападающего, что тот, коротко охнув, свалился с ног. Потом мгновенно ударил другого. Внезапно красноватая вспышка осветила тёмный переулок и словно бы обожгла висок Сергея. Всё поплыло у него перед глазами, закружилось, он весь обмяк, повалился на землю и потерял сознание.

6

Очнулся Ракитин через час, в больнице. Осмотрелся - лежит в одноместной палате. У стола молоденькая медсестра со шприцем. С трудом припомнил, что с ним случилось, и уныло замер на койке.

Мне лишь на другой вечер удалось прорваться к нему. Увидев меня, он радостно поднял голову с подушки, но тут же губы его болезненно скривились.

- Лежи, лежи! - замахал я испуганно. - Как самочувствие?

Ракитин попытался улыбнуться.

- Да ничего, нормальное. - Он осторожно поправил повязку на голове. - Пуля лишь кожу сорвала. Домой вот прошусь, а не отпускают.

- И правильно делают... «Нормальное»! Кого обманывать-то вздумал? Нет уж, ты, брат, лежи, - повторил я, присаживаясь на краешек кровати.

- Да не могу я здесь лежать, - взмолился Сергей. - Тошно мне тут одному. Задыхаюсь!.. Стены и те лекарствами пропахли!

Мне было от души жаль его, и в то же время я ничем не мог помочь. Так ему и сказал.

- Понимаю, - упавшим голосом произнёс Ракитин и опять тоскливо пожаловался: - А тут ещё уколы. Медсестра почти через полчаса со шприцем влетает... Симпатичная, а несговорчивая - хоть один укольчик пропустила бы.

Я невольно улыбнулся... Подумать только, этого молодого лейтенанта не страшили ни нож, ни пуля, и вдруг испугался простой иглой.

- Что же не поинтересуешься, за кого пострадал? - После недолгой паузы спросил я.

Голубые глаза Ракитина широко открылись.

- Помнишь, вызывали мы Балашова? Альбатроса? Так вот, за него! Что-то не поделил он со своими дружками, ну и...

- Вот те на! - огорчённо протянул Ракитин. - Он же только что освободился из колонии. Ведь как клялся накануне, что возьмётся за ум!

Помолчали.

- Да, не везёт ему в жизни, - сказал наконец Ракитин. - А ведь чувствую, тянется он к ней. И Шатров просил поддержать мужика. Но вот, попробуй, поддержи! И поговорить-то с ним как следует ещё не успели.

Сергей вздохнул.

- А те... неужели ушли? - спросил он тихо.

- Нет, дружинники вовремя подоспели, - успокоил я его. - Двоих сразу задержали. Третьего чуть позже.

- А с Балашовым что?

- Синяки - и ничего больше. Его на работу поскорее бы устроить,

- Да, не упустить бы нам бедолагу, - согласился Ракитин. - Трудно ему сейчас. Он ведь признался мне, что отвык даже от нормальной одежды. Нелегко ему придётся...

Я посмотрел на Сергея: а ему разве не тяжело? От природы здоровый и жизнерадостный, он выглядел теперь бледным, осунувшимся... Я не выдержал, легонько дотронулся до его забинтованной головы и спросил:

- Очень больно?

- Нет, - зашевелился Ракитин. - Наверное, скоро выпишусь.

Но только через месяц он смог приступить к работе. И первое, что сделал - зашёл в гости к Альбатросу. Дверь открыла морщинистая сгорбленная старушка. Подозрительно оглядев гостя (Ракитин был в штатском), она недовольно спросила:

- Кого надо?

Сергей улыбнулся.

- Мне бы Григория Петровича,

- Ну, дома он... Чтой-то я тебя не припоминаю. Дружок его, что ли?

- Пока просто знакомый. А вы его мамаша - Надежда Васильевна?

- Ну, Надежда Васильевна, - призналась старушка. - Работаешь где, или как?

- Не беспокойтесь, мамаша. Мне без работы никак нельзя - заверил Ракитин.

Старушка ещё раз недоверчиво оглядела его, почему-то вздохнула и, наконец, впустила в дом.

Альбатрос сидел на кушетке в небольшой, просто обставленной комнате и, перебирая струны гитары, задумчиво напевал:

«Приди, приди, свобода дорогая,

Я обогрею ласкою тебя...».

Узнав лейтенанта, он отложил в сторону гитару, быстро поднялся, растерянно спросил:

- Ко мне, что ли?

- Конечно, - подтвердил Сергей и попросил разрешения присесть.

Альбатрос кивнул, а затем насторожённо наблюдал за каждым его движением.

- Ну, как поживаете? - спросил Ракитин, присаживаясь к столу.

Альбатрос пожал плечами:

- Да пока ничего. Ко мне по делу или так?

- Спасибо сказать.

- За что?

- А за передачи, что приносили мне в больницу.

Альбатрос смутился. Переминался с ноги на ногу, не зная, как ответить.

- Только что же вы тайком передавали? - Ракитин сощурил смеющиеся глаза. - Всё равно узнал, от кого были и яблоки, и папиросы.

Раскрасневшийся Альбатрос и вовсе растерялся. Видя его смущение, Сергей изменил тему разговора.

- А больше вы никого из старых приятелей не встречали?

- Никого. Вот только Васька Король вчера весточку прислал.

- О чём пишет? - насторожился Сергей. Король некогда был известен нам как главарь воровской группы. Но сейчас он отбывал срок наказания.

- А вы что ко мне - выведывать пришли? - Альбатрос недовольно нахмурил светлые брови. Взгляд его серых глаз сразу стал колючим

- Ну что вы говорите, - Ракитин поднялся. - Эх, вы, - тихо добавил он и направился к двери.

- Подождите, - остановил его Альбатрос. - Давайте хоть чайком угощу. А то и за бутылкой могу сбегать.

Сергей обернулся. Угловатый, худой, с коротким ёжиком седеющих волос, изборождённым глубокими морщинами лицом, Альбатрос казался ему в тот момент жалким и совсем, совсем одиноким. Тот виновато глядел на него и заскорузлыми пальцами нервно крутил пуговицы расстёгнутой на груди рубашки.

Сергей мягко возразил:

- Нет, Григорий Петрович. Чай, пожалуй, в другой раз. Тогда и Надежду Васильевну пригласим к столу. Строгая она у вас: «Кто вы да откуда?!».

Альбатрос невесело усмехнулся.

- За меня боится. Как бы опять мой «портрет» не разукрасили. Ждёт не дожждётся, когда я на работу устроюсь. А кадровики шарахаются от меня, как чёрт от ладана.

- Ну, вы на них особенно не обижайтесь, - посоветовал Сергей. - Их ведь тоже понять можно - не всякий-то с вашей биографией надолго у них задерживается. А глядишь, ещё и сюрприз неприятный преподнесёт...

- Я не преподнесу, - заверил Альбатрос.

- Тогда что же вы к нам на вызовы не являетесь? - укоризненно взглянул на него Сергей. - Шатров уже с директором мебельной фабрики договорился.

Эти слова, видно, так не соответствовали мыслям Альбатроса, что не сразу дошли до его сознания.

- Ну да? - недоверчиво тряхнул он головой. - С чего бы ему это? Начальник угрозыска, и вдруг...

Альбатрос задумался, потом вскинул на Ракитина сверкнувшие глаза:

- И вы... мне верите? Ну... что из меня что-нибудь получится?

Он затаил дыхание. Сергей уловил его надежду и без колебаний, твёрдо ответил:

- Конечно, верю.

- Спасибо, - прошептал Альбатрос. И вдруг резко взмахнул рукой. - Нет, смоюсь я куда-нибудь!

- Почему? - удивился Ракитин.

- Трудно мне здесь... из-за человека одного, - не сразу ответил Альбатрос. Он помолчал немного и добавил: - Если бы вы знали - я ведь снова чуть кражу не завернул.

Ракитин помрачнел.

- Вот это уже действительно худо.

- То-то и оно, - продолжал с горечью Альбатрос. - И сидеть бы мне опять за решёткой, если бы не эта женщина. Ведь в «Скорую» позвонила, а не в милицию.

И он рассказал Ракитину о том, что приключилось с ним недавно.

- М-да... - протянул Сергей, выслушав его исповедь. - Покушение на кражу, а это статья... Но повинную голову, говорят, и меч не сечёт!

- Да что там меч! - отмахнулся Альбатрос. - У меня эта женщина из головы не выходит. Ей повиниться хотел. Сколько раз на улице встречал и у дома подкарауливал, а она и смотреть на меня не желает! Как же мне здесь после этого?..

Чем Ракитин мог утешить его? Ничем. Вот так невесело и закончился разговор.

8

На другой день Сергей зашёл с докладом к Шатрову, рассказал ему о встрече с Альбатросом.

- А ты нос не вешай, - грузно заёрзал тот за столом. - я говорил, что с Балашовым будет нелегко. На работу мы, конечно, устроим его. А ты всё-таки у этой женщины побывай, объясни: так, мол, и так. Мучается человек... И заявления от неё не поступало. Что она собой представляет?

- Я выяснил уже, - ответил Ракитин. - Её фамилия Лисянская. Елена Андреевна. Ещё молодая особа. Муж был пьяница, бросил её. Вряд ли она...

- А я думаю иначе, - возразил Шатров. - Если бы ожесточилась - стала бы вызывать «Скорую» для Балашова?

И Ракитин отправился к Лисянской. Она жила в старом районе города, там, где среди вековых дубов и вязов располагались небольшие, давней постройки дома.

В однокомнатной квартире Лисянской было уютно: современная мебель, красивая люстра, светлые лёгкие шторы на окнах... Впечатление уюта дополняла тихая музыка, лившаяся из приёмника.

Елена Андреевна Лисянская - невысокая изящная женщина с большими синими глазами - бегло взглянула на его удостоверение и удивлённо спросила:

- А что, собственно, случилось?

Сергей, хотя и готовился к этой встрече, замялся, не зная, как объяснить цель своего прихода.

- Видите ли... - смущённо заговорил он. - Я вот по какому делу. С вами за последнее время ничего не произошло неожиданного, ну... из ряда вон выходящего, что ли?

Елена Андреевна чуть заметно улыбнулась.

- Да вроде бы нет.

Сергей и вовсе почувствовал себя неловко.

- Разрешите присесть? - спросил он хозяйку, только чтобы как-то продолжить разговор.

- Да-да, конечно, - спохватилась она.

Сергей сел к столу. Помолчал немного, соображая, как при таких обстоятельствах перейти к главному. И только он раскрыл рот, чтобы рассказать Лисянской о Балашове, как в квартиру кто-то робко позвонил. Он взглянул на хозяйку. Та в ответ пожала плечами и поспешила в прихожую, быстро открыла дверь и вдруг вскрикнула.

Сергей невольно выскочил из комнаты, взглянул на гостя. На пороге стоял... Альбатрос.

«Как он не вовремя», - с досадой подумал Ракитин.

А тот, не замечая его, уже шагнул к Лисянской.

- Простите меня, я не мог не прийти, - сказал он тихо.

- Вы с ума сошли, что ли? - растерялась Лисянская. - Уходите сейчас же! - И сделала попытку вытеснить его за порог.

- Подождите, - упёрся Альбатрос. Голос его дрогнул. - Я и сам уйду, только выслушайте меня.

Лисянская не отвечала. Лицо её покраснелось от волнения, губы дрожали.

Альбатрос с отчаянием посмотрел на неё и, увидев вдруг Ракитина, круто повернулся и хлопнул дверью.

У Сергея защемило сердце. Он расстроено поплёлся за Лисянской в комнату. Подошёл к тумбочке, на которой стоял приёмник, и выключил его. Сейчас музыка действовала на него раздражающе. Но тут же спохватился и потянулся к приёмнику снова.

- Не надо. Не включайте, - глухо сказала Лисянская.

И Сергея вдруг прорвало. Он с жаром начал объяснять, почему нельзя было вот так безмолвно отпускать Балашова. Рассказал ей всё, что узнал о нём за последние дни: о том, что тот находится сейчас как бы на распутье, что его чуть не убили в переулке, о том, как мучительно переживает он её безразличие. Сергей говорил и говорил. И никак не мог закруглиться - всё боялся, что она не поймёт его.

- Чем же я могу помочь? - не поднимая глаз, спросила наконец Лисянская.

- Да просто словом добрым! - обрадовался Ракитин. - Знаете, какая для него будет поддержка!

Лисянская подошла к окну, за которым уже сгущались сумерки. Одной рукой она комкала краешек шторы, другой ухватилась за подоконник так, что побелели пальцы. О чём она думала? Может, жалела о случившемся. А может, - о своём таком же нелёгком одиночестве?

- Хорошо, - тяжело вздохнув, сказала Лисянская и отошла от окна. - Если встречу с ним снова, - поговорю.

- Спасибо! - от души поблагодарил Сергей. - Ну, я пойду?

Лисянская, слабо улыбнувшись, кивнула.

Сергей вышел на улицу. Побывал дома у Балашова, у его прежних друзей, но нигде Альбатроса не нашёл. И тогда его как бы осенило: «На вокзал!».

Через десять минут он был уже в зале ожидания. Ракитину повезло: Балашова он увидел возле кассы.

- Григорий Петрович!

Тот вздрогнул, обернулся. Сергей торопливо подошёл к нему.

- Григорий Петрович, не уезжайте! Она всё поняла! Вы ещё увидите с ней.

Альбатрос побледнел, опустил голову, и Сергей увидел, как вдруг часто-часто затряслись его сутулые плечи. Ракитин поспешил увести его в сторону.

- Ну-ну, всё будет хорошо.

Альбатрос кивал и судорожно жал его руки.

... Так никуда он и не уехал. Вскоре устроился на мебельную фабрику. Стал встречаться с Лисянской. Не знаю уж, о чём они говорили, только Альбатрос менялся день ото дня, оживал прямо на глазах.

И всё бы шло хорошо, если бы не досадная оплошность Ракитина. Он не придавал значения обмолвке Альбатроса о Короле, а в результате случилось вот что.

9

Рано или поздно эта встреча должна была состояться. Однако Альбатрос не предполагал, что произойдет она так скоро, и потому, когда однажды вечером в квартиру кто-то позвонил, спокойно открыл дверь. На пороге стоял Васька Король. Тот почти не изменился со дня их последней встречи. Только скуластое, изъеденное мелкими рябинками лицо стало ещё смуглее и шире да на плечах мешковато сидел потрёпанный чёрный плащ.

Некоторое время они испытующе разглядывали друг друга.

- Может, всё-таки в хатупустишь? - зло скривил Васька тонкие губы.

Сердце Альбатроса упало. Он не нашёлся, что ответить, опустил глаза и посторонился. Король вошёл в комнату своей обычной крадущейся походкой, осмотрелся и сел за стол. Разговор долго не клеился. Оба хорошо понимали, что от прежней дружбы не осталось и следа. В последнем письме в колонию Альбатрос так и написал: лучше им и не встречаться! Но в глубине души Король, наверное, торжествовал: «Коль не гонит, значит, выручит!».

- Ты как очутился здесь? - удивлённо и не без тревоги спросил Альбатрос. - У тебя же срок ещё не вышел.

- А я досрочно, - ухмыльнулся Король.

- С твоей-то статьёй? - хмуро возразил Альбатрос.

- Ладно! Заткнись! Чем занимаешься?

- Работаю...

Васька достал из кармана плаща бутылку водки, снял помятую выгоревшую шляпу, наклонил голую, всю в шишках голову, презрительно скривил губы.

- Умнее ничего не придумал? Мало в колонии спину ломал? Субботничков захотелось? И всё за «спасибо»? - с издёвкой спросил он.

- А ты в душу не лезь! - вспыхнул Альбатрос. - И за «спасибо» буду работать. Мне его мало кто говорил.

Король побагровел. Ему совсем не нравился этот разговор.

- Ты мне идейного из себя не строй, - процедил он сквозь зубы. - Я этого не люблю. Наслушался политграмоты?.. Забыл, как тебя здесь принимали? Небось и сейчас «фраеры» косятся.

Альбатрос горько усмехнулся:

- Чего ж на зеркало пенять, коль у самого рожа крива!.. Или, может, ты укажешь местечко, где приветствуют воров? Мол, «господин уркач», не угодно ли вам меня ограбить?..

Король побагровел, но вдруг лицо его расплылось, и он хрипло хохотнул.

- Ладно, ладно, - сказал он и придвинулся вплотную к Альбатросу. - В последний раз... Мне помощник нужен. Прوماха не будет. Я тут кое-что приглядел.

- Альбатрос резко поднялся из-за стола. Почувствовал как кровь приливает к щекам. В голове зашумело. Сдерживая гнев, сухо отрезал:

- Я же сказал тебе, что с этим покончено.

- Неужто? - Васька взглянул на него злыми раскосыми глазами. Встал, крепко сдвинул плечо Альбатроса. - Я и один могу пойти, но за встречу отблагодарю. Ой, как отблагодарю!

Внутри у Альбатроса всё оборвалось. Он знал, что Король напрасно грозить не будет. Значит, снова драка, снова милиция...

- Ну, вот что, - Васька сменил тон. - Чёрт с тобой. Хочешь на заводе горб ломать - мешать не буду. В последний раз помоги мне, и всё... Сегодня к ночи пойдем на дело.

- Нет!

- Не пойдёшь? - Король, не сводя с него глаз, сунул руку в сапог, вытащил финку. - Ты с бабой своей как, совсем распрощался? Не дорога уже?..

У Альбатроса захватило дыхание: как тот узнал о Лисянской? Своей жизни бы не пожалел, а за Елену Андреевну испугался. И, в кровь кусая губы от бессильной ярости и отчаяния, глухо выдавил:

- Ладно... Договорились. Только мать предупрежу, чтоб не волновалась... Куда пойдем-то?

Через час они уже пробирались по оврагу к магазину. Ветки кустарника больно хлестали Альбатроса по лицу, под ногами хлюпала грязь. Но вот кусты стали редеть, и, наконец, показался поселковый промтоварный магазин.

Король взглянул на светящийся циферблат своих часов.

- Рано пришли, - сказал он тихо. - В клубе ещё танцы не кончились, а поселковые пацаны здесь домой ходят. Как бы не заметили. Подождём немного.

Он сел на обросший мхом камень. Щёлкнул крышкой портсигара. Вспыхнула прикрытая ладонями спичка.

Альбатрос потянулся с папиросой к Ваське, прикуривая от его спички, жадно затянулся. Но на душе по-прежнему скребло.

Король продолжал говорить. Альбатрос молчал, слушал, думая о своём. Зачем он здесь? Чего испугался? Мог бы что-нибудь придумать... И как же теперь с фабрикой? Что скажут Ракитин с Шатовым, когда узнают?.. И что подумает о нём Елена Андреевна? А ведь всё так хорошо поначалу сложилось!..

Это Король приклеил ему кличку «Альбатрос». Дешёвая романтика! Какой он Альбатрос? Это благородная птица, она не кормится за чужой счёт. А он опять прячется, как сыч, по сырым оврагам, подбирается, как волк, к чужому добру. Не Альбатрос он, нет!

Васька ещё раз взглянул на часы.

- Пошли! - Он, видимо, уловил колебания напарника, потому и заторопился.

- А вдруг там сторож? - попробовал отговорить его Альбатрос.

- Ну и что, - нервно ответил Король, - сам будет виноват...

Альбатрос похолодел.

- Нет, сторожа я тебе не дам!

- Да не ори ты. - Король метнул на него злой взгляд. - Видишь, пришли.

Они остановились у входа в магазин. Замок долго не поддавался.

Король нервничал. Альбатрос наткнулся в темноте на что-то острое и выругался.

- Тише, - прохрипел Васька. - Совсем разучился работать.

«Работать» - это слово резануло Альбатроса по сердцу. Ему вспомнилась фабрика, верстаки, душистая стружка, вьющаяся из-под рубанка, шутки рабочих...

«Эх, кабы не Король - сумел бы стать человеком», - подумал он и с ненавистью взглянул на Ваську, орудовавшего ломиком.

Тот, наконец, открыл дверь и скрылся в магазине. Вскоре он вышел па крыльцо, сгибаясь под тяжестью двух туго набитых мешков.

- Тихо? - спросил он. - Славно поработали.

Альбатрос даже вздрогнул, опять услышав это слово. Оно больно хлестнуло его, так, что он даже поморщился. И страха перед Королем - как не бывало.

- А ну, неси-ка всё это обратно, - двинулся он на Ваську.

- Ты что? - зашипел тот. - Рехнулся?

- Отнеси, говорю, мешки! - наливаясь злобой, повторил Альбатрос.

Король попятился, скинул мешки, стремительно выхватил финку. Но пустить её в ход не успел. Альбатрос почти не замахаясь, что было силы двинул кулаком в ненавистный, чуть раздвоенный Васькин подбородок.

10

А Ракитин в тот вечер сидел в клубе перед шахматной доской и никак не мог отыскать лучшего хода, хотя, по его мнению, была выигрышная ситуация. Мысли Сергея снова и снова возвращались к Альбатросу: «Где он сейчас? Чем занимается?..».

Сергей решительно предложил сопернику ничью и получив торопливое согласие, отправился домой к Балашову. Но того не оказалось дома.

- Ушёл он с Королем! - торопливо заговорила Надежда Васильевна. - Сколько из-за него, душегуба, Гришеньке вытерпеть пришлось - и не рассказать, наверное. Раньше всё заманивал и сейчас опять привязался. Гриша просил вам передать, что будет ждать у поселкового магазина. Вы уж выручайте!

Ракитина охватила тревога: «Король в городе? Как же так?..». Он ещё не знал, что в райотделе получена ориентировка о побеге Короля из колонии, что объявлен розыск. Не знал, но поспешил к выходу.

Сумерки уже сгустились, однако весь город сверкал, расцвеченный огнями фонарей и реклам.

Вот и овраг - окраина города. Здесь ни шума, ни яркого света фонарей. Лишь луна слабо освещает поселковый магазин.

Сергей постоял некоторое время, прислушиваясь к шороху кустов. Где же Балашов? И тут увидел знакомую сутулую фигуру, услышал тихие возгласы... Он рванулся к магазину.

А там произошло вот что. От удара Альбатроса Король упал. Поднимался он медленно, согнувшись, готовый в удобный момент пустить в ход финку. И вдруг свисток! Это возвратился отлучившийся сторож. Альбатрос повернулся на трель свистка. Король тут же выпрямился и пырнул Балашова финкой. Тот охнул, оседая.

Король снова взмахнул финкой, надвигаясь на сторожа... и глухо вскрикнул. Резким приёмом Ракитин заломил ему руки за спину, Король напрягал все силы, дёргался, но вырваться не смог. Сторож помог Сергею связать Короля подвернувшейся верёвкой.

- А этот, - повёл он глазами на Альбатроса, - видно, ему под горячую руку попал. «Скорую» надо вызвать

Альбатрос приподнялся с травы на локоть. Ракитин опустился рядом.

- Короля не упустите, - с трудом произнес Балашов. - В побеге он. На юг собрался...

- А с вами-то что, где? - тревожно спросил Сергей.

- В боку жжёт, - тихо ответил он. - А Елена Андреевна на день рождения пригласила... Как же мне теперь?

Альбатрос хотел ещё что-то добавить, но силы оставили его, и он повалился на жухлую траву.

Что с ним было потом - не знаю. Вскоре я перевёлся по службе в другой город, новая работа целиком захватила меня... Но при первой возможности я постараюсь разузнать о Балашове и дорассказать эту историю.